

УДК 101.9

РИТОРИКА И ТРОПОЛОГИЯ В ФИЛОСОФИИ Х. УАЙТА¹

В.П. Потамская

ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет», г. Тверь

Х. Уайт рассматривает проблемы повествования в истории, связи языка с исторической репрезентацией. Философ отмечает лингвистическую обусловленность исторических репрезентаций, представляя историю как вербальную повествовательную структуру, выступающую как сконструированная модель прошлой реальности. Выявлено, что риторический подход к нарративу Х. Уайта заключается в демонстрации структурирующей роли тропов как в историческом нарративе, так и в историческом дискурсе.

Ключевые слова: *историческое повествование, репрезентация, риторика, тропология, дискурс.*

В рамках аналитической философии существует различные трактовки исторического повествования. Одним из возможных способов истолкования нарратива является риторический подход, представленный Хайденом Уайтом. Уайт вернул значимость риторики и стиля произведения, рассматривая сочинения в духе Квинтилиана или Аристотеля, и как софист Горгий, относясь к серьезному с остроумием, а к комическому с серьезностью [5].

А. Мегилл определяет подход Уайта как риторико-диалектический [8]. Риторическая диалектика, как она представлена у Уайта, не претендует на достижение некой абсолютной истины. Диалектика позволяет ориентироваться на поиск согласованности, а использование риторики подразумевает, что возможность достичь абсолютной истины является незначительной [9, р. 208]. Х. Келлнер, продолжая аргументацию А. Мегилла о диалектическом характере, отмечает, что позднее риторическая диалектика становится типом интеллектуального объяснения Уайта [7]. М.А. Кукарцева также характеризует подход Уайта к исследованию исторических объектов как риторико-спекулятивный, сочетающий выявление и интерпретацию природы исторического объекта [2].

Риторика истории, с точки зрения Мегилла, следующей за Уайтом, связана с тропами, аргументами и другими языковыми приемами и лингвистическими протоколами, используемыми для того, что конституировать повествование и производить впечатление на публику. Кроме того, риторика включает в себя ее один аспект – искусство убеждения [9, р. 221].

Риторический подход Уайта во многом инспирирован его преподавателем в университете Уэйна – У. Боссенбруком. По словам А. Данто, данные «курсы по медиевистике и Ренессансу были невероятно захватывающими... Невозможно описать его семинары, но каждый ощущал, что нет ничего не заслуживающего внимания, и что Боссенбрук рассматривает все окружающее как каким-то образом связанное с чем-то еще» [1, с. 236–237]. У Боссенбрука

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ «Лингвистический поворот и историческое познание как проблема западной философии второй половины XX – начало XXI века». № 17-33-00047.

были все отличительные черты мастера-ритора, и его способы аргументации и убеждения оказались привлекательными для Уайта [9, р. 198].

Хотя Уайт иногда называет себя структуралистом, его отправной точкой является не теория Ф. де Соссюра, а риторика Дж. Вико: «в течении некоторого времени я занимался изучением мысли Вико, и воспринял его мысль о том, что логика всей поэтической свободы содержится в взаимоотношении, которое язык сам по себе излагает в четырех принципиальных типах фигуративной репрезентации: Метафоре, Метонимии, Синекдохе, Иронии. Моя собственная догадка, которую я считаю подтвержденной в размышлениях Гегеля о сущности ненаучного дискурса, состоит в том, что любая область изучения, например история, пока еще не “дисциплинированная” относительно формальной терминологической системы... это тип фигуративного дискурса, который предписывает фундаментальные формы исследуемым данным» [14, р. 94–95]. Уайт отмечает, что тропы функционируют не только как фигуры речи, но как фигуры мысли, выступая в качестве идентичных или аналогичных когнитивным формам сознания. Таким образом, поверхностная структура (фигура речи) становится глубинной структурой (фигурой мысли), оставаясь в тоже время на поверхности [7, р. 11]. Образность создается посредством вариаций между тем, что является «нормально» ожидаемым и устанавливаемыми между концептами ассоциациями, которые соотносятся или не соотносятся друг с другом способами, различающимися от предусмотренных каким-либо тропом. Ирония, Метонимия и Синекдоха – это типы Метафоры, отличающиеся друг от друга по типу редукций или интеграций, которые они обуславливают на буквальном уровне своего значения и по типу прояснений, для которых они предназначены на фигуративном уровне. Метафора репрезентативна, Метонимия редукционистична, Синекдоха интегративна, Ирония негативна [4, с. 52]. Р. Доран выявляет параллели между утверждением И. Канта (интуиция и концепты конструируют основания знания) и высказыванием Уайта о том, что тропы выстраивают дискурсивно всю сформированную мысль. Тропы создают чувство исторической реальности, выступая как прообразы в семантическом поле, в котором они неизбежно реализуются. Данная функция тропов аналогична критике чистого разума так как она «набрасывает» условия возможности исторического письма (тропологические по сути), для того, чтобы оценить единство исторического знания [5].

Историческое повествование обладает всеми классическими риторическими элементами и методами, такими как создание аргументов, организация дискурса и формирование истинных утверждений. По мнению Уайта, историю можно сравнить с *illusio* Аристотеля, она связана с вещами условными и непрозрачными, и поэтому может быть только продемонстрирована, но не доказана. Рассмотренная с этой точки зрения, история в силу недоступности прошлого не имеет ни окончательного объекта исследования, ни универсальных методов исследования. Как отмечает К. Дженкинс, исторический дискурс Уайта относится к сфере риторики и непосредственным образом связан со способностью аргументирования. Цели истории также риторические – она нацелена на то, чтобы «исследовать действительные и очевидные средства убеждения» [6].

Уайта часто обвиняли в стирании границ между художественными произведениями и историческим нарративом. С точки зрения философа, история не является и никогда не будет являться наукой, а репрезентации историков являются «литературными» (поэтическими и риторическими), т. е. отличными от

научного дискурса [4, с. 32]. В своем уподоблении истории литературе Уайт, как представляется, следует традициям историографии XVII–XVIII вв., признавая художественный характер истории и рассматривая ее как отрасль риторики. По мнению Уайта, представленные исключительно как лингвистические способы выражения истории и романы не отличаются друг от друга. Цель автора романа и исторического сочинения одна – сообщить вербальный образ действительности [14, р. 122]. Историческое повествование, как и художественная литература, предстает перед читателями как правдоподобная репрезентация мира посредством скрытого обращения к сюжетным структурам или архетипическим типам историй, которые предопределены модальностями определенной культуры. Кроме того Уайт также следует за линией мысли, которую предлагает Ф. Джеймисон, отмечая, что фундаментальной для риторики является зависимость от правдоподобия. Если какая-либо аудитория признает истинность заявляемого или убеждена в нем, цель является достигнутой.

Отличия между историей и художественной литературой следует рассматривать в терминах различия между исследованием, направленным на создание истины, и исследованием, созданным для того, чтобы обеспечить доступ к реальному. Историческое исследование не обусловлено проблемой реальности прошлого, так как она является данностью и тем самым обеспечивает возможность исторического исследования [12, р. 148].

Уайт, следуя за структурой исторического нарратива Л. Минка, представленной началом, серединой и окончанием, конкретизирует ее с позиции риторического подхода. Начало и окончание нарратива, по его мнению, являются неизбежно поэтическими конструкциями, зависящими от модальности фигуративного языка. При этом не имеет значения, рассматривается ли мир как реальный или воображаемый, способы его конституирования будут аналогичными [14, р. 98]. Исторический нарратив не изображает вещи, а скорее напоминает образы вещей, о которых идет речь, также как и метафора.

Уайт соглашается с Фраем относительно того, что история является вербальной моделью последовательности событий, внешней по отношению к разуму историка. Исторические структуры и процессы отличаются от своих оригиналов, так как человек не может увидеть прошлую реальность, чтобы понять, адекватно ли историк ее репрезентировал. Во-первых, Х. Уайт рассматривает историю как конструкт, созданный на Западе, в то время как другие культуры соотносили свое прошлое способами, отличающимися от данной модели исторического пути [13]. Во-вторых, философ говорит о сконструированном характере модели исторического процесса [4, с. 317–318]. Р. Дж. Коллингвуд однажды заметил, что вы никогда не сможете объяснить трагедию тому, кто не был знаком с ситуациями, которые считается «трагическим» в западной культуре. Если у человека нет представления об общих атрибутах трагических, комических, романтических или иронических ситуаций, он не сможет распознать их как таковые, когда встретиться с ними в тексте. Рассмотренные как потенциальные элементы истории, исторические события являются ценностно-нейтральными. И их конституирование в нарративе полностью зависит от решения историка выстроить их в соответствии с модальностями одной сюжетной структуры, нежели другой. Использование при этом риторических средств никоим образом не умаляет статуса исторических описаний [14, р. 85]. Один и тот же набор событий может выступать в качестве компонента как комической, так

и трагической истории, это зависит от ситуации и выбора историка наиболее подходящей сюжетной формы. Основной целью историка представляется стремление убедить читателя в том, что его репрезентация истории является более верной, нежели остальные. Поэтому историографические споры реализуются не только на уровне факта, но и на уровне лингвистических средств, используемых при создании нарратива. Несмотря на постулируемую свободу выбора, историк, по сути, ограничен культурно одобряемыми сюжетными типами, функционирующим внутри западной традиции.

Репрезентация исторических фактов в нарративной форме является необходимым условием понимания. Уайт рассматривает понимание как процесс представления незнакомого или «жуткого» в фрейдистском смысле этого термина как знакомого, перемещение данного объекта в область опыта, которая является понятной и не угрожающей. Процесс понимания, в этой связи, предстает как тропологический по своей сути, поскольку средством переноса непонятного являются тропы [14, р. 5]. Исходная чуждость описываемых событий исчезает, они становятся элементами известного типа повествования, поскольку соответствуют определенной сюжетной структуре.

Одним из наиболее полных анализов исторической риторики является «Метаистория», в которой Уайт стремится концептуализировать поэтику исторического сочинения, одновременно применяя формалистическую методологию. Исторический нарратив имеет свои истоки в *poesis* – мечтах, фантазиях, иллюзиях, желаниях, ожиданиях, идеологических подтекстах историка [8]. Поэтика, указывающая на художественный аспект исторического сочинения, рассматривается как постоянный способ языкового использования, посредством которого объект исследования трансформируется в субъект дискурса. По словам Уайта, литературность истории, представленная поэтикой и риторикой исторического текста, теорией историографического стиля есть парадигма, которая функционирует как метаисторический элемент во всех исторических работах [3, с. 509].

Уайт согласен с П. де Манном, который рассматривает риторику как теорию тропов и как один из способов наделения фактов значением. Значения создаются посредством репрезентаций в языке, которое стоит рассматривать как соединения слов, выражающееся в образах, фигурах и знаках, а не как содержащееся в вещах и словах [10].

Для представления того, «что действительно случилось в прошлом», историк сначала должен префигурировать как возможный объект знания весь набор событий, запечатленный в документах. Префигуративный акт – это акт поэтический, поскольку он докогнитивен, не критичен и является конститутивным элементом структуры, отображаемой в словесной модели, предлагаемой историком как репрезентация и объяснение того, «что действительно случилось» в прошлом. В подобном поэтическом акте историк создаёт собственный объект анализа и предопределяет модальность используемой концептуальной стратегии [4, с. 51].

При анализе исторических интерпретаций как вербальных структур, Х. Уайт предлагает использовать тропологию, рассматриваемую как теория преобразования (*figuration*) и дискурсивного построения сюжета, с помощью которых историки придают событиям статус факта и наделяют их смыслом [там же, с. 7]. Тропология представляет собой теоретическое объяснение вымышленного дискурса и способов, посредством которых различные тропы создают образы и связи между ними посредством воображения.

Рассматривая метаисторический уровень как неотъемлемую структуру, Уайт предлагает различие трех типов стратегий, которые могут применяться историками для получения различного рода «эффекта объяснения»: объяснение посредством формального доказательства, объяснение посредством построения сюжета и объяснение посредством идеологического подтекста. Под объяснением посредством построения сюжета Уайт понимает придание «смысла» истории на основе установления сюжетного типа. Философ, следуя за Фраем, выделяет четыре способа построения сюжета: Роман, Трагедия, Комедия и Сатира. Используя анализ С. Пеппера, Уайт выделяет четыре парадигмы формы, которые может принимать историческое объяснение, рассматриваемое как дискурсивное доказательство: Формистскую, Органицистскую, Механистичную и Контекстуалистскую. Идеология в историческом описании отражает этический элемент в позиции историка относительно природы исторического знания и выводов. Следуя анализу К. Манхейма в «Идеологии и утопии», Уайт предлагает следующие идеологические позиции: Анархизм, Консерватизм, Радикализм и Либерализм [4, с. 27–42].

Итогом размышлений Уайта о сущности риторики стала книга «Тропики дискурса». Во всех эссе исследуется проблема отношений между дескрипцией, анализом и этикой в науке. По сути, Уайт предлагает новое понимание риторики, вводя понятие тропики [2]. Слово «тропик» происходит от тропикос, тропоса, который обозначал путь или койне в классической греческой риторике. Троп входит в современные индоевропейские языки посредством *oītrōpus*, обозначающего в классическом латинском метафору, фигуру речи. В поздней латыни данный термин применялся по отношению к музыкальной теории и обозначал «настроение» или «размер». Все эти значения соединились в английском слове троп. Тропик – это процесс, посредством которого весь дискурс конституирует объекты, которые он стремится реалистично описать и объективно проанализировать.

Дискурс – это жанр, в котором реализуется один из возможных риторических способов отображения реальности, однако при этом признается возможность выражения вещей противоположным образом [14, р. 2–3]. Тропологическая префигурация дискурса позволяет создать собственный объект анализа и предопределить модальность используемой концептуальной стратегии [4, с. 51]. Анализ фигуративного уровня исторического дискурса позволяет концептуализировать возможные типы исторической репрезентации.

Риторический анализ исторического дискурса признает, что каждая история содержит не только определенное количество информации и интерпретации того, что эта информацию обозначает, но также более или менее открытое сообщение относительно отношения, которое читатель должен принимать до сообщаемых данных и формальной интерпретации. И эти фигуративные элементы играют большую роль как компоненты сообщения исторического дискурса именно в той степени, в которой дискурс сам по себе управляется посредством обычного языка [11]. При этом историчность объекта устанавливается посредством его описания в соответствии с правилами доказательств, превалирующих в сообществе историков в определенном времени и пространстве. По сути, Уайт интегрирует структуру темпоральности в риторические свойства формы исторического нарратива.

Философ, следуя за К. Берком, утверждает, что четыре основополагающих тропа имеют дело с взаимоотношениями между сознанием и миром опыта, требующим его репрезентации в нарративной форме [14, р. 72].

Уайт отмечает, что, во-первых, развитие исторического мышления и философии истории может быть рассмотрено как сменяющиеся модальности концептуализации в рамках традиции дискурса, эволюционировавшей от Метафорического толкования исторического мира, через Метонимическое и Синекдохическое толкования к Ироническому постижению неустрашимого релятивизма всего знания [4, с. 57]. Во-вторых, тропологическая фигурация, осуществляемая посредством четырех тропов, свойственна и самим историческим нарративам. В течение XIX в. четыре основополагающих теоретика историографии (Г.В.Ф. Гегель, И.Г. Дройзен, Ф. Ницше и Б. Кроче) рассматривали интерпретацию как суть историографии и каждый из них стремился разработать классификацию интерпретационных типов. Гегель, например, выделял четыре типа интерпретации внутри класса рефлексивной историографии: универсальный, прагматический, критический и концептуальный. Дройзен также различал четыре возможные интерпретационные стратегии исторического письма: причинные, условные, психологические и этические. Ницше в сочинении «О пользе и вреде истории для жизни» выделял четыре подхода к исторической репрезентации: монументальный, антикварный, критический и «сверхисторический». Кроче также выделял четыре философские позиции: романтизм, идеализм, позитивизм и критицизм [14, р. 52–53].

Вездесущность картины тропологической префигурации, использованной как ключ к пониманию западного дискурса о сознании, неизбежно поднимает вопрос о ее статусе как психологического явления. Уайт, не претендуя на то, чтобы тропологическая префигурация выступала в качестве закона дискурса, тем не менее характеризует ее как постоянно повторяющуюся модель современных дискурсов о человеческом сознании в целом. Одним из примеров является исследование Ж. Пиаже. Четыре стадии в когнитивном развитии: сенсомоторная, репрезентативная (дооперациональная), операциональная (конкретных операций), логическая (формальных операций) представляются Уайту сопоставимыми с четырьмя тропами: ранняя естественная «метафорическая» фаза, проявляемая в детском типе взаимоотношений с миром, постепенно сменяется ироничным отношением к миру и альтернативными способами классификации феноменов «рациональным» взрослым [14, р. 7]. Подобная тропология в описании процессов человеческой психики также свойственна и З. Фрейду, что особенно проявляется в разработке четырех стадий при исследовании взаимосвязей между явным и скрытым уровнем сна: превращение мыслей в зрительные образы, сгущение, смещение, вторичная обработка.

Тот факт, что эти аналогичные тропологические структуры появляются в творчестве мыслителей, различающихся как в предметных областях, так и в истолковании проблемы репрезентации и анализа, с точки зрения Уайта, является достаточным основанием для того, чтобы рассматривать теорию тропологии как полезную модель не только дискурса, но и сознания в целом [14, р. 19]. И в этом также проявляется влияние Вико, поскольку одной из основ его мысли являлся принцип, что человеческий разум может познавать только то, из чего он сам сделан.

Итак, Уайт создает новую философию истории на основе постренессансной риторической теории – теории тропов или фигур. Риторике Уайт рас-

смачивает скорее как теорию о том, как действует язык, нежели теорию о том, что есть язык. Используя методы риторики, историки стремятся убедить читателя, что их восприятие истории более правильное, более объективное, чем иные версии и таким образом, формируют определенное отношение читателей к прошлому и настоящему. По сути, подобные риторические особенности языка используются для того, чтобы транслировать реальность способом, отличающимся от позитивизма, одним из требований которого является прозрачность языка относительно фактов.

Тропологическое прочтение, ассоциируемое Уайтом с риторикой, позволяет выявить доминирующий троп в дискурсе, в нарративе какого-либо писателя, а затем продемонстрировать, каким образом лингвистические средства формируют структуру мысли. Следует отметить противоречивость взглядов Уайта. Определенный детерминизм системы тропов, как представляется, некоторым образом противоположен человеческой свободе, поскольку выбор способов фигурации ограничен архетипами и модальностями. По мнению философа, именно риторическая теория метафорического преобразования выступает моделью для теории воплощения человеческого сознания в истории и позволяет соединить историю и риторику в неразрывной связи. Уайт, следуя за Вико, настаивал, что тропы являются не только фигурами речи, но и фигурами мысли, аналогичными когнитивным формам сознания. В этой связи процесс понимания осуществляется благодаря использованию основных форм фигурации, выделенных в риторической теории – метафоре, метонимии, синекдохе, иронии. И именно эти четыре тропа являются замкнутым кругом, определяющим сознание и конституирующим исторический дискурс.

Список литературы

1. Доманска Э. Артур Данто // *Философия истории после постмодернизма* / под ред. Э. Доманска. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. С. 236–266.
2. Кукарцева М.А. Хейден Уайт и практика исторических исследований XX века [Электронный ресурс]. URL: http://abuss.narod.ru/Biblio/kukartzeva_white.htm (дата обращения: 02.02.2016)
3. Трубина Е.Г. «Метаистория» и историки // Уайт Х. *Метаистория (Историческое воображение в Европе XIX века)*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. С. 505–518.
4. Уайт Х. *Метаистория (Историческое воображение в Европе XIX века)*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. 528 с.
5. Doran R. Editor's introduction: choosing the past: Hayden White and the philosophy of history [Электронный ресурс] // *Philosophy of History After Hayden White* / edited by R. Doran. L.; N.-Y.: Bloomsbury. 2013.
6. Jenkins K. «Nobody Does It Better»: Radical History and Hayden White *Philosophy of History After Hayden White* / edited by R. Doran. L.; N.-Y.: Bloomsbury. 2013.
7. Kellner H. A bedrock of order: Hayden White's linguistic humanism // *History and Theory*. 1980. Vol. 19. № 4. P. 1–29.

8. Megill A. The rhetorical dialectic of Hayden White [Электронный ресурс] // Re-Figuring Hayden White (Cultural Memory in the Present) / edited by F. Ankersmit, E. Domanska, H. Kellner. Stanford: Stanford University press. 2009.
9. Megill, A. The rhetoric of history [Электронный ресурс]. URL: http://www.deirdremccloskey.com/docs/pdf/Article_96.pdf (accessed 03.03.2016)
10. Muchowski J. I am not interested in truth. I am interested in reality. A conversation with Hayden White [Электронный ресурс]. URL: http://historyka.edu.pl/fileadmin/user_upload/news/Historyka_41/13_.pdf (accessed: 03.03.2016)
11. White H. Historicism, history and figurative imagination [Electronic resource]. URL: http://abuss.narod.ru/Biblio/eng/white_historicism.htm (accessed: 03.03.2016)
12. White H. Introduction: Historical fiction, fictional history and historical reality [Электронный ресурс]. URL: <http://isites.harvard.edu/fs/docs/icb.topic59-1072.files/White%20on%20Historiofoty.pdf>. (accessed: 01.02.2016)
13. White H. The historical event [Электронный ресурс]. URL: <http://differences.dukejournals.org/content/19/2/9.full.pdf> (accessed: 01.02.2016)
14. White H. Tropics of Discourse. Essays in Cultural Criticism. L.; Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1978. 283 p.

RHETORIC AND TROPOLOGY IN H. WHITE'S PHILOSOPHY

V.P. Potamskaya

Tver State Technical University, Tver

H. White examines the problems of narrative in history and relationship between language and historical representation. He emphasizes the linguistic conditionality of historical representations portraying history as a verbal narrative structure thus performing a function of a constructed model of past reality. It is demonstrated that H. White's rhetorical approach to narrative aims at indicating the structuring role of tropes in both historical narrative and historical discourse.

Keywords: *historical narrative, representation, rhetoric, tropology, discourse.*

Об авторе:

ПОТАМСКАЯ Вера Павловна – ассистент кафедры медиатехнологий и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru.

Author information:

POTAMSKAYA Vera Pavlovna – Assistant Prof. of the Dept. of Media Technologies and Public Relations, Tver State Technical University, Tver. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru.